

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

II

Труды Второй научной конференции, посвященной
изучению жизни и творчества А. А. Блока

БЛОК И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Е. Л. Белькинд

«Есть люди, — писал Александр Блок, — с которыми нужно и можно говорить только о простом», но есть и другие, «с которыми все непрестанно чувствуется сродство на какой бы то ни было почве». С ними «надо говорить о сложном и «глубинном». Тут-то выясняются истины мира — через общение глубин» (VII, 24). Таким человеком был для Блока и Вячеслав Иванов, один из виднейших представителей русского символизма.

Среди символистов В. Иванов занял особое положение. Его принято причислять к поколению «младших символистов».

Но для Блока, А. Белого, а также их ближайших друзей и сверстников В. Иванов сразу же стал «учителем», «метром», человеком, который не столько задавал вопросы, сколько отвечал на них. В сложное, переходное время 1905—10 гг. В. Иванову суждено было стать, по словам Блока, защитником прав современного поэта быть символистом (1905, V, 9). Восторженно встретил В. Иванова А. Белый, назвавший его появление среди русских модернистов «пришествием» и вспоминая позднее: «Мудрейшие прогнозы в грядущую эру Иванова некогда нам казались зажегшимся солнцем»¹. Это «настоящий художник», — писал об Иванове Брюсов, — и вместе с тем «истинно современный человек, причастный всем нашим исканиям, недоумениям, тревогам. Его стихи говорят о том, что нам важно, о чем нам интересно слышать»².

Блок познакомился с В. Ивановым зимой 1906 года в Петербурге, в те дни, — вспомнит Блок в 1912 году, — когда судьбы людей «диктовала восстанья страшная душа» (III, 141). Способствовал их встрече А. Белый³. История личных и творческих связей Блока и Иванова сложна и противоречива. Мы не увидим здесь ни страстной и пылкой любви, ни «истерической дружбы», ни клятв в верности, ни вызовов на дуэль, как это было у Блока и А. Белого. В отношении Блока к В. Иванову сочетались восхищение — с настороженностью, уважение — с глубоким скепсисом, любовь — с чувством похожим на страх... С годами пути поэтов разошлись все дальше, и само это расхождение очень показательно.

Они часто встречались (Блок приходил на «среды» к В. Иванову), подолгу беседовали. Но содержание этих бесед осталось неизвестным для исследователей; говоря словами Блока из дневника 1911 года, «много драгоценного безвозвратно потеряно» (VII, 69). Поэтому письма Блока к Вяч. Иванову, которые публикуются впервые, заслуживают особого внимания. Но

¹ А. Белый. Сирин ученого варварства. Берлин, 1922, с. 24.

² «Новый путь», 1903, № 3, с. 213, 214.

³ См. об этом в воспоминаниях Белого («Эпопея», 1922, № 2, сентябрь, С. 288.).

чтобы их понять, необходимо бросить общий взгляд на историю духовного и литературного общения Блока и В. Иванова.

С творчеством В. Иванова Блок познакомился еще до их встречи: в 1903 году он собирается работать над рецензией на книгу В. Иванова «Прозрачность» (см.: З. к., 57). Рецензия появилась в № 6 «Нового Пути» за 1904 год. В 1905 году Блок публикует статью «Творчество Вячеслава Иванова» (V, 7—18), где анализирует лирику и философию В. Иванова в их единстве. Поставленные Ивановым проблемы: искусство и жизнь, поэт и народ, — оказались очень важными для Блока. В связи с этим особенно внимательно он рассматривает статью «Поэт и чернь», подробно излагая ее содержание. В. Иванов много писал о кризисе индивидуализма. Он считал, что существующий раскол между художниками и народом («гением» и «толпой») должен быть преодолен: ведь высшее назначение искусства — служить народу⁴. Правда, в понятия «народ» и «служение» Ивановым вкладывалось особое, специфически-символистское содержание, но важна сама постановка проблемы. На нее обратил внимание Ю. Давыдов в своей книге: «The October Revolution and the Arts. Artistic Quest of the 20-th Century. Tolstoi—Blok—Mayakovskiy—Eisenstein, Moscow, 1967, p. 92». Эту проблему рассматривает и James West в своей книге «Russian Symbolism. A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian symbolistic aesthetic», London, 1970, p. 71—76.

Блоку чрезвычайно близка мысль В. Иванова о «всемирном искусстве», его мечта о том времени, когда поэт «сбросит с вольных плеч» иго «обособленного сознания». Но в то же время было в идеях Иванова нечто такое, что заставило Блока насторожиться. В статье 1905 года это не отразилось, но в письмах того же времени читаем: «Над Вяч. Ивановым у меня большой вопросительный знак (как над человеком *действия* и воли)» (письмо Е. Иванову. 23 мая 1905 г., VIII, 125), «А мне трудно еще с Вяч. Ивановым» (из письма А. Белому 2 октября 1905 г., VIII, 137). Можно, видимо, говорить о том, что уже в это время Блок почувствовал, пусть пока отдаленно и смутно, мистический утопизм идей В. Иванова о пути к мифу как к средству преображения жизни. Видимо, поэтому Блок заподозрил В. Иванова в ... романтизме: «Он «волит», может быть, куда-то наискосок, хищно и метко. У него в глазах — старый воробей романтизма «себе на уме» (VIII, 125). «Романтизм» в сознании Блока этих лет — символ такой жизненной позиции, при которой мечта и действие разделены и мечтания «ничем не кончатся. Не воплотятся» (V, 89). А в 1904—06 гг. самому Блоку свойственно именно стремление перейти от мечтаний о высоких идеалах к действию, желание не только «искать», но и «находить» (V, 88) реальные, «торные пути» в рай «заморских песен» (II, 123). В его сознание уже вошли образы людей, действительно двигающих «барку жизни», и зародилась мысль о том, что художник «может» далеко не все. В. Иванов же главную роль в изменении жизни отводил искусству, и в этом корни утопичности его теорий.

Для дальнейшей истории общения поэтов характерна интересная закономерность: идет последовательный процесс сближения, «узнавания» и одновременно, по мерс сближения, — своеобразное отталкивание, удаление. Это ярко проявилось в 1906—1907 гг. «Годы «снежных масок», как определяет их Блок (VIII, 388), — время особой близости Иванова и Блока. В письме 1906 года Е. Иванову читаем: «С Вячеславом очень сблизился, и многое мы поняли друг в друге» (VIII, 168). В стихотворении 1912 года «Вячеславу Иванову» Блок вспоминает об этом времени так:

⁴ Художник по сути своей — «ремесленник», он пишет для людей и жить один, как «царь», — не может (В. Иванов. О веселом ремесле и умном веселии. В кн. И.: По звездам. СПб., 1909, с. 220—221).

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих (III, 141).

Блоку, вовлеченному «в водоворот» «лиловых миров <...> революции» (VII, 300), становится близким «дионисийство» В. Иванова, у которого мы находим размышления о растворении личности в стихиях, об экстазе как пути восхождения человека на вершины духа и приобщения его к «запретному», трансцендентному миру божества (ср. статьи В. Иванова: «Эллинская религия страдающего бога», «Ницше и Дионис» и др., а также книгу стихов «Эрос», Спб., 1907, особенно стихотворения «Художник», «Ропот», «Заклинание» и др.). Характерны слова в записной книжке Блока за 21 декабря 1907 г.: «Может быть <...> Александр Блок — к Дионису» (З. к., 86). Блок и Иванов часто встречаются на «средах», в редакции «Золотого Руна», обсуждают стихи Блока («Снежную маску» — З. к., 92). Важную роль в их сближении сыграло, очевидно, и увлечение Блока книгой Ницше «Происхождение трагедии», которую он открывает для себя в 1906 году (З. к., 78—84)⁵.

Сблизило поэтов и то, что в развернувшейся полемике о «мистическом анархизме» оба оказались в одном лагере «петербуржцев». Их противниками были «москвичи» во главе с А. Белым^{5а}. Начало полемики было положено брошюрой Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (изд. «Факелы», 1906) с предисловием Вяч. Иванова «О неприятии мира». В этом выступлении сказалась неудовлетворенность авторов существующей действительностью, антибуржуазность, увлечение революционным духом 1905—06 гг. Чувствовалась здесь и попытка художников включиться в общественную жизнь, не выходя, однако, за рамки символистской доктрины, что знаменовало собой один из этапов кризиса символизма. «Наше нестроение»⁶, — говорил об этом В. Иванов (1907). Попытка включить искусство в общественную жизнь вызвала бурный протест в символистских кругах. Особенно резкими были выступления Эллиса и Белого. В то же время выявилась теоретическая несостоятельность идей Иванова и Чулкова, появилось множество эпигонов, «пустышек», и вскоре от «мистического анархизма» вынужден был отказаться сам Вячеслав Иванов. Но для него высказанные в 1906—07 гг. идеи не были чем-то случайным, а вытекали из сути его учения.

Поэтому спор с В. Ивановым о «мистическом анархизме» явился для Блока серьезным испытанием. Сущность спора лежала очень глубоко. Это был один из аспектов вопроса о судьбах русского символизма, о позиции художника. Не случайно Блок писал: «Совершенно в стороне для меня

⁵ Правда, одновременно с увлечением мы видим и внутреннее сопротивление Блока. В драме «Дионис Гиперборейский» дана ироническая трактовка столь важной для В. Иванова ницшеанской теории «восхождения на вершины» (З. к., 87—91). Позднее эта же тема, но уже в трагическом аспекте, — 10 декабря 1908 г. (З. к., 122—123).

^{5а} См.: Вл. Орлов. История одной дружбы-вражды, в кн.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с. XXV—XXXIX и комментарий В. Н. Орлова (там же, с. 187—224). См. также: в новом издании Вл. Орлов. Пути и судьбы. Литературные очерки. М.—Л., 1963, с. 490—527.

⁶ В. Иванов. По звездам, с. 227.

в этом отношении <в вопросе о значении культуры. — Е. Б.> стоит Вячеслав Иванов, который глубоко образован и писатель замечательный» (З. к., 97). Характерно, что Блок защищает В. Иванова от грубых нападок Эллиса: идеи В. Иванова о будущем искусстве «органической эпохи», при всей их утопичности, ближе Блоку, чем подчеркнута элитарная теория искусства Эллиса. И все-таки положения Иванова снова оказывались чем-то зыбким, неопределенным. Блок называл их «лирикой» (VIII, 204). Он не находил в них ответов на вопросы, вызванные его тяготением к темам остро социальным, современным (см.: З. к., 96). Можно отметить, что при интересе к общим проблемам у Блока и Иванова намечаются разные пути их разрешения. «Мы оба, — писал Блок, — лирики, оба любим колебания друг друга, так как за этими колебаниями стоят и сторожат наши лирические души. Сторожат они совершенно разное, потому, когда дело переходит на почву более твердую, мы расходимся с Вяч. Ивановым» (15—17 августа 1907 года, VIII, 200). У Блока есть и другие слова для определения того, в чем он не согласен с Ивановым: «пафос» («мое несогласие <...> в пафосе» — 1907, З. к., 96), «лучшее, заветное» («ведь в лучшем и заветном моем я никогда не был близок ему», 1912, VIII, 388).

Именно в 1907 году Блок впервые пишет о необходимости борьбы с Вяч. Ивановым. Это связано с его раздумьями о лирике. «Лирика» — «стихия души». Погружение в нее может стать опасным, если поэт, уходя в мир своего «я», забудет о реальной жизни.

Вот что говорит Блок о сборнике стихов В. Иванова «Эрос» (1907): «Эрос» — совсем уж не книга и не стихи, пожалуй, это — чистая лирика. которая всегда — болотна и проклята. Меч — слово, но, когда за словом становится музыкальное марево, — меч тонет. Поэтому бороться с Вяч. Ивановым <...> нужно не романтизмом, не лирикой и не манифестом А. Белого. Его чувственную музыку можно заглушить теперь только льдом» (VIII, 182).

Но прежде, чем бороться, надо быть уверенным в правильности собственной позиции. Эта уверенность пришла к Блоку не сразу: «Но прав ли будет его противник, — продолжает он в том же письме Эллису 5 марта 1907 года, — не понесет ли он *иного* проклятия за это — я не знаю» (VIII, 182).

Заметим также, что многое в Иванове-лирике близко Блоку: ведь он знает, что такое трагедия лирического поэта, щедро отдающего, подобно Лиру, свои богатства людям (VIII, 182). В стихотворении «Нищ и светел» читаем:

И не знал я: потерял иль раздарил?
Словно клад свой в светлом мире растворил, —
Растворил свою жемчужину любви ...⁷

И поэтому с Вяч. Ивановым, с его идеями бороться было трудно. Но — и необходимо: «Он стоит на дороге и его не объедешь. Может быть, пройти сквозь него надо жизнью» (VIII, 182).

Волны первой русской революции улеглись. Наступало глухое время: 1908—1909 годы. Жизнь ставила один, главный вопрос: что будет с Россией? «Гибель или нет», — так определял Блок сущность этого вопроса осенью 1910 года (V, 445).

Тема России становится центральной в раздумьях Блока и Иванова, и это по-новому сближало их. «У Вас теперь Вяч. Иванов, — писал Блок А. Белому весной 1908 года, — я как-то опять его почувствовал и полюбил» (VIII, 234). Они часто встречаются. «Думал увидеть Вас вчера у Вячеслава Иванова», — читаем в письме Блока Ремизову (1908, VIII, 256). В. Иванов

⁷ В. Иванов. Эрос. СПб., 1907, с. 81—82.

присутствовал на многолюдном писательском собрании у Чулковых, где Блок читал свою драму «Песня Судьбы» (VIII, 240). В ноябре 1908 года Блок получил «очень хорошее письмо от Вячеслава Иванова о «Земле в снегу» (VIII, 261).

Тематически такие программные выступления Блока, как «О театре», «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура» и др. очень близки статьям В. Иванова того же периода. Блок бывал на лекциях В. Иванова. Так, в марте 1908 года в Петербургском литературном обществе он слушает доклад, легший затем в основу статьи В. Иванова «Две стихии в современном символизме» (З. к., 104). Они оба выступали в Религиозно-философском обществе: «30-го, — пишет Блок в декабре 1908 года, — читаю <...> «Культуру и стихию»... (после Вяч. Иванова «О русской идее»)» (VIII, 269). В статье В. Иванова читатели могли найти позднее прямую ссылку на выступление Блока. В. Иванов говорил о глубине «деланного А. Блоком сближения калабрийской и сицилийской катастрофы с нашими судьбами»⁸. Статьи настолько близки по содержанию, что порою Блок боится совпасть с Вяч. Ивановым «чуть не текстурально» (см.: с. 374 наст. работы). И требуется большая работа, чтобы выявить не только сходство, но и различие позиций Блока и В. Иванова, заметить порою очень скрытую, глубоко лежащую внутреннюю полемику. Интересно было бы, к примеру, сравнить с теориями В. Иванова мысли Блока о театре, о «настоящем кризисе» индивидуализма, о сущности художественного творчества. Богатый материал мы находим в статьях В. Иванова «Споряды», по поводу которых Блок заметил: «Вячеслав Иванов в «Весах» (№ 8) — вот это истинный «тон», можно послушать» (сентябрь, 1908 г., З. к., 115).

Особенный интерес представляет встреча Блока и Вяч. Иванова весной 1910 года, во время разгоревшейся тогда полемики о кризисе символизма.

Наиболее распространенная точка зрения на соотношение позиций художников выражена впервые Вл. Орловым в его монографии о Блоке⁹ и сводится к следующему. В 1910 году Блок, переживая полосу глубокого душевного упадка, вновь ненадолго сближается с А. Белым и Вяч. Ивановым на основе общесимволистской идейной ориентации. Поэтому доклад Блока является отступлением от передовых общественных позиций, занятых поэтом в 1907—1908 годах; это «искривление пути», «зигзаг», уклонение в сторону. Такую точку зрения особенно горячо отстаивает Б. Соловьев¹⁰.

В некоторых исследованиях отмечается глубина и верность сделанных Блоком в конце статьи выводов о необходимости возвращения художника к народу, но при этом говорится, что выводы сделаны вопреки всему ходу рассуждения. Подобное утверждение звучит несколько противоречиво и заставляет еще раз вдуматься в содержание статьи и в историю ее возникновения.

Разумеется, правы исследователи, отмечавшие отличие позиций Блока 1910 года от тех, которые выразились в статьях о народе и интеллигенции. В 1907—08 г. пафос отношения Блока к современной культуре был в основном отрицающим. Понимая всю ценность духовного наследия, он в то же время утверждал естественное право народной стихии уничтожить цивилизацию. В этом было что-то от гневного бунта Толстого.

В 1910 году в сознании поэта происходит известный сдвиг, вызванный затянувшейся реакцией и тяжелыми личными обстоятельствами. Большое впечатление на поэта произвела поездка по Италии (1909 г.), где Блок

⁸ В. Иванов. По звездам, с. 319.

⁹ Вл. Орлов. Александр Блок. Очерк творчества. М., 1956, с. 112—116.

¹⁰ Б. Соловьев. Поэт и его подвиг, изд. 2-ое, дополненное. М., 1968, с. 346—353. Различие позиций Блока и В. Иванова отмечает П. Громов, см.: П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. М.—Л., 1966, с. 398—408; ср. также с. 210—218.

снова увидел все величие культуры прошлого. Именно об этом, — об искусстве и о долге художника, — говорит Блок в 1909—10 г. Он не отказывается от утверждений 1907—08 г. Он думает и о возможной грядущей катастрофе современного мира, но теперь изменяются некоторые важные акценты. Если раньше главное для Блока было в неизбежности гибели культуры (ценности которой он не отрицал), то теперь внимание его поглощено ощущением ценности культуры.

Статья о символизме была ответом Блока на доклад Вяч. Иванова. Между тем до сих пор не прояснено, какова суть этого ответа. Многие, ссылаясь на слова самого Блока, считают, что цель его статьи — раскрытие своих иллюстраций к тексту В. Иванова. Однако к этой фразе Блока (V, 426) надо отнестись очень осторожно. Важно учесть, что Блок отвечал не на статью «Заветы символизма»¹¹, которая являлась результатом переработки двух докладов, а на выступление В. Иванова в Петербурге 26 марта 1910 г. Текст этого доклада, реконструируемый по воспоминаниям Пяста¹² и записной книжке Блока (З. к., 167—170), существенно отличается от того, что мы читаем в статье¹³.

Выступление Вяч. Иванова вызвало бурную полемику, в которой А. Блок принял участие. Он задал В. Иванову четыре вопроса (З. к., 169—170). Комментируя их, Вл. Орлов пишет, что именно эти вопросы и были затем поставлены в докладе (З. к., 552). Но по существу перед нами — не столько вопросы, сколько краткое выступление, раскрывающее вполне определенную позицию. Об этом говорит четкость и строгая последовательность развития темы. Формой вопроса Блок хочет привлечь своих слушателей к со-раздумью. И если здесь он говорил об искусстве вообще, об искусстве будущего, то в статье речь шла о том, что нужно делать современному художнику.

В. Иванов возлагает на художников огромную задачу. Они должны помочь народу в его духовном самоопределении, сеять в душах людей семена внутреннего религиозного опыта. На этом пути может возникнуть в будущем искусство всенародное, которое и будет знаменовать собой наступление новой, «органической» эпохи в истории человечества. Свою задачу русская символическая школа, считает В. Иванов, еще не выполнила. Художники недостаточно глубоко проникли в смысл учения В. Соловьева о теургической сущности искусства и поэтому не выдержали ниспосланного свыше испытания («антитезы», — так называл В. Иванов время, наступившее после революции). Чтобы осуществить свое предназначение, художники должны оставаться верными «внутреннему канону» и заняться «планомерным исканием внутреннего синтеза своего мирозерцания» (З. к., 168).

В истории русского символизма В. Иванов выделяет два периода. Он противопоставляет их как «тезу» и «антитезу» и предсказывает закономерное возникновение синтеза: «синтетического символизма», мифотворчества, истинной теургии¹⁴.

Блок, следуя В. Иванову, тоже описывает два периода в истории русского символизма, но его характеристика ведет к иным выводам. Не о по-

¹¹ В. Иванов. Заветы символизма. — «Аполлон», № 8, 1910 г., с. 5—20.

¹² В. Пяст. Нечто о каноне. — «Труды и дни», 1912, № 1, с. 25—35.

¹³ В петербургском докладе В. Иванов говорил в основном об истории символизма. О содержании выступления дают представление VI—VII разделы статьи. Вопросам теории посвящался другой доклад, прочитанный в Москве. Историческая постановка вопроса (слабо ошутимая в «Заветах символизма») оказалась наиболее близкой Блоку.

¹⁴ О своей вере в символизм В. Иванов говорил и в 1908 г. в лекции «Две стихии в современном символизме» (В. Иванов. По звездам, с. 307 и др.).

бедоносном завершении «триады» идет речь у Блока, а о необходимости нового. Если современное состояние русского символизма, кризис, является для В. Иванова лишь преддверием грядущего расцвета истинного символизма, то для Блока состояние кризиса — скорее завершение, подведение итогов пройденного пути.

Блок сомневается, «будет ли *искусством* то желаемое», (то есть, теургия, миф — см.: З. к., 169), о чем говорит Иванов (З. к., 169). Главное, что волнует Блока, — вопрос о том, кто же сумеет изменить жизнь (ср.: «Нам не совладать с этим желанным (не свершить подвига), а с ним совладеет НАРОД» — З. к., 170). В решении вопроса о путях преодоления кризиса Блок расходится с В. Ивановым. Поэтому иначе звучит для него и мысль о том, что художник должен вернуться к народу. Поэты, по В. Иванову, — «мудрецы». Они постигают свои внутренние, более реальные, чем история, миры, поднимаясь до постижения Бога в себе, и «нисходят» затем к людям, чтобы учить их. Блок говорит о противоположном: о необходимости «учиться вновь у мира» (V, 436), или, как он скажет позднее в стихах, «открыть глаза» на «непроглядный ужас жизни». В. Иванов призывал к верности «внутреннему канону», каким он дан художникам в учении В. Соловьева. Так его поняли А. Белый, Пяст, Эллис и другие, считая, что Блок полностью разделяет эту позицию («меня хвалили, — пишет Блок о своем выступлении в Академии, — и Вячеслав целовал» VIII, 307). Но Блок шел по другому пути. То, что он пытался теоретически («словесно») высказать в докладе, — уже рождалось поэтически, звучало в поэме «Возмездие» (начата в 1910 г.), в цикле «Страшный мир». Статья о символизме неотделима от стихов этого периода. И не случайно, выступая со своим докладом, Блок ни от кого не ждал одобрения и поддержки (VIII, 315): ведь на главный вопрос В. Иванова, — «Существует ли символизм как поэтическая школа или его более нет» (З. к., 169), — Блок давал, фактически, ответ отрицательный. Иванов поймет позицию Блока не сразу. И тогда, когда он услышит, почувствует ее в поэме «Возмездие», он не примет ее и будет обвинять Блока в измене заветам. «Наш учитель <В. Иванов>, — рассказывает С. Горюцкий о первом чтении поэмы, — глядел грозой и метал громы. Он видел разложение, распад, как результат богоотступничества <...> преступление и гибель в этой поэме» («Печать и революция», 1922, № 1, с. 86).

В статье «О современном состоянии русского символизма» Блок, оглядываясь на пройденный путь, прощается с прошлым, чтобы идти вперед. И именно поэтому «атмосфера В. Иванова», — атмосфера прошлого, — для него «немыслима» (январь 1912, VIII, 384). Ему кажется странным и невозможным говорить «тем же тоном в 1912 году, как в 1905 году» (VIII, 386). Об отношении Блока к В. Иванову в 1911—1912 гг., может быть, лучше всего свидетельствуют строки из дневника 1911 года: «*Вячеслав Иванов*. Если хочешь сохранить его, — окончательно подальше от него» (VII, 72). В письме от 25 января 1912 года Блок признается Белому: «Я <...> мог бы видеть Тебя только совсем отдельно и особенно без: *Вячеслава Иванова*, которого я люблю, но от которого далек» (VIII, 383). Порой в его словах звучит даже раздражение. Он называет свое настроение «анти-Вяч. Ивановством» (VIII, 388), сторонится участия во вновь создаваемых символистских журналах. Ряд писем, в том числе письма В. Иванову начала 1910-х гг., об этом свидетельствуют (см. письма 17, 18 и др.). Блок отмечает характерную черту В. Иванова — «желание властвовать» (VIII, 387). Но у самого вождя войска уже почти не было, и в своей пропаганде «символической школы» он становился всё более одиноким.

В 1912 году появляется прощальное, «воспоминательное» стихотворение (VII, 119) «Вячеславу Иванову». Оценивая пережитые вместе годы, Блок испытывает сложное чувство: здесь и восхищение талантом В. Иванова («Твой мир, поистине, чудесен!» — III, 142) и уважение, которое Блок всегда испытывал к этому человеку, и в то же время мысль о необходимости расстаться: ведь пути их — разные...

Понял это, наконец, и Вяч. Иванов. Он искренне любил Блока-человека, высоко ценил его как поэта, всегда питал к нему глубокое чувство. Когда-то он приветствовал его, начинающего поэта, доброжелательной, хотя и сдержанной рецензией¹⁵; он ждал от него большего. Можно сказать, что Иванову хотелось видеть в Блоке осуществление своего идеала «истинного» поэта-теурга, пришедшего в мир «за непонятым узывать» (см. посвященное Блоку стихотворение «Бог в лупанарии»¹⁶). Однако Блок уходил от него все дальше и дальше... Грусть расставания звучит в стихах В. Иванова из книги «Нежная тайна» (1912), посвященной «Александру Блоку-поэту», Иванову хотелось бы остаться для Блока если не другом, то «братом», он не хочет верить в то, что они больше не близки друг другу. И в то же время он уступает дорогу «лирнику-чародею» «с испугом восторга»¹⁷.

В последующие годы поэты не раз еще «встретятся», но такая близость, как раньше, уже не повторится. Блок думает о В. Иванове (З. к., 200, 203, 248), вспоминает давно знакомые стихи (VII, 204). А Иванов создает под влиянием Блока и во многом в полемике с ним поэму «Младенчество» (1918). Им еще суждено встретиться на решающем перевале: в 1919 году писатели независимо друг от друга выступают снова со своеобразными «содокладами». В. Иванов говорил «о гибели гуманизма» (З. к., 457). Блок в это время готовится к докладу на ту же тему. Характерна его запись: «Я получил корректуру статьи Вяч. Иванова о «кризисе гуманизма» и боюсь читать ее» (VII, 363). Проблемы, поставленные в статье Блока «Крушение гуманизма» и в «Кручах» Вяч. Иванова, очень близки: раздумья об истории, о происходящих революционных изменениях. Но если Блок приветствовал революцию, то Иванов относился к ней скептически. Мечтавший о «соборном единении» русского народа и о вселенской церкви, он считал, что революция протекает безрелигиозно, и не увидел в ней того вселенского переворота, о котором ему прежде мечталось¹⁸.

Итак, пути когда-то близких людей разошлись. «А. Белый — слишком во многом нас жизнь разделила <...> Остальных просто нет для меня — тех, которые «были», — писал Блок в 1913 году, думая о Вячеславе Иванове (VII, 246). В своем стихотворении 1921 года В. Иванов сказал знаменательные слова о Блоке и о себе: «Мы по-своему каждый свое ясно видели»¹⁹.

Но можно не сомневаться, — и это подтверждают мемуары современников, воспоминания С. М. Алянского²⁰, записи М. С. Альтмана²¹, последняя статья Блока «Без божества, без вдохновенья», где упоминается имя Вяч. Иванова (VI, 178), — что оба они сохранили друг о друге, говоря словами Блока, «длинное и важное воспоминание» (VI, 129). Каждый из них мог бы сказать другому (эти слова мы находим в письме Блока А. Белому): «Думаю, что и в расхождении надо сохранить друг о друге то знание, которое дали нам опыт и жизнь. Я храню его <...> Считаюсь с Вами всегда» (VIII, 201).

¹⁵ В. Иванов. Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., Гриф. 1905, «Весы», 1904, № 11, с. 49—50.

¹⁶ В. Иванов. *Cor ardens*. I. М., 1911, с. 142.

¹⁷ В. Иванов. Нежная тайна, СПб., 1912, с. 11—13.

¹⁸ См.: А. Белый. Сирий ученого варварства. Берлин, 1922.

¹⁹ В. Иванов. Свет вечерний. Оксфорд, 1962, с. 194.

²⁰ См.: С. М. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М, 1969, с. 48—59.

²¹ См.: М. С. Альтман. Из бесед с поэтом Вячеславом Ивановичем Ивановым. — Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 209, Тарту, 1968, 305.

До нас дошло девятнадцать писем Блока к В. Иванову. Они хранятся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (фонд В. Иванова, папка № 13, ед. 56). Ответные письма находятся в ЦГАЛИ (фонд 55, оп. 2., ед. хр. 33).

В истории отношений Блока и В. Иванова переписка не играла такой важной роли, как, например, в отношениях Блока и А. Белого. Это можно объяснить, в частности, тем, что в годы наибольшей близости они оба жили в Петербурге, часто встречались. Публикуемые ниже письма Блока В. Иванову — большей частью житейски-деловые. Это переговоры по поводу организации литературных вечеров, записки о встречах, открытки и т. д. Порою перед нами — просто «казенные отписки» (слова Блока, см. письмо 15) или отрывок когда-то начатого разговора, о содержании которого можно только догадываться.

Письма интересны прежде всего содержащимся в них фактическим материалом. Мы узнаем, например, о намерении поставить Вяч. Иванову в главе журнала «Золотое Руно», о подробностях организации литературного вечера памяти В. Ф. Комиссаржевской и т. д. Развернутых высказываний Блока о литературе, о своих современниках здесь нет, но очень любопытны его замечания о Бальмонте (письмо 18) и об А. Белом. Многие из неизвестных ранее строк могут стать поводом для раздумий, поисков. Они добавляют новые черточки к образу Блока и позволяют проследить, как развивались его отношения с поэтами-символистами. Читая эти письма, нужно помнить о характерной для них связи внутреннего и внешнего: затаённости порой еще не осознанных чувств Блока к В. Иванову и сдержанности их внешнего проявления. Собранные воедино, эти письма заслуживают внимания ещё и потому, что в них отразилась в какой-то мере эволюция Блока, пройденный им путь, — то, что сам Блок называл «подземным ростом» души писателя (V, 369).

А. А. БЛОК. ПИСЬМА К ВЯЧ. ИВАНОВУ (1907—1916)

№ 1

<Телеграмма 29 апр. 1907 г.>*
Тавр<ическая> 25. Вячеславу Ивановичу Иванову.
Дан ли зародыш. Не скупитесь.
Блоки. Сомов.

№ 2

Дорогой Вячеслав Иванович.
Пишу Вам наскоро только несколько слов и притом чисто «литературных», потому что Георгий Иванович¹ едет к Вам. Дело в том, что я обещал «Золотому Руно» просить Вас очень быть редактором его, т. е. взять весь журнал внутренне в свои руки. Внутренне потому, что официального отказа от редактирования Рябушинский² ни за что не даст.

* Все датировки, кроме принадлежащих самому Блоку, даны в угловых скобках и мотивированы в комментариях.

Пишу Вам только это, потому что о глубоком лучше и не начинать, а прямо — говорить с Вами. Крепко Вас целую. Целую руку Лидии Дмитриевны³, пожалуйста, передайте ей искреннее приветствие.

Любящий Вас
Александр Блок

5 сентября 1907.

№ 3

31 октября <1908 г.>

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Вчера я не пришел, потому что пишу об Ибсене для утренника Комиссаржевской в воскресенье¹, и очень измучен. Приду, когда освобожусь от черных работ и печалей. Вас люблю.

Ваш Александр Блок.

№ 4

7 III 09.

Милый и дорогой
Вячеслав Иванович.

Спасибо Вам за Ваше письмо от нас обоих от всей души. Уже неделя Люба¹ воротилась домой и поправляется, теперь выходит из дому. Мы надеемся уехать к весне в Италию. Нам обоим это ужасно важно.

Приглашение Лиги Образования я принимаю с радостью и считаю это большой для себя честью². Смушают меня только побочные обстоятельства — во-первых, хватит ли голоса на Двор<янское> Собрание, во-вторых, — отсутствие фрака. Если последний необходим, пожалуйста, дорогой Вячеслав Иванович, напишите мне два слова на открытке, я буду раздобывать. Если же Вы будете в сюртуке, то, конечно, и я. Но фраки и сюртуки, конечно, последнее дело.

Я хочу, разумеется, говорить около темы «Гоголь и Россия», об истинном «патриотизме» Гоголя³. Если будете мне писать, сообщите еще, не хотите ли, чтобы я приехал к Вам сговориться: боюсь совпасть с Вами чуть не текстуально, а это уже будет нехорошо. Если же мы будем говорить различно, но в области одной темы, это будет даже лучше.

Ну, еще раз спасибо, горячо Вас приветствую.

Любящий Вас
Александр Блок.

№ 5

14 марта <1909>

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Вашу телеграмму¹ я нашел ночью, воротясь из Мариинского театра. Жаль, что она совпала с Зигфридом². Было уже поздно, я изнемог от музыки и не пошел. — Расстройство Гоголевского вечера³ меня скорее радует: я взялся было за работу, и уже чувствовал себя гимназистом, которому задали «характеристику».

Любящий Вас Ал. Блок.

Милый Вячеслав Иванович,

вспоминаю Вас с любовью. Нагляделся на красоту Умбренских гор. Мы уже в одиннадцатом городе¹, и воображение устало. Скоро уедем к морю, потом — на Рейн и в Россию. Крепко целую Вас и люблю.

Ваш Ал. Блок.

Равенна стала мне здесь всего дороже.

№ 7

В пятницу 27 ноября, в 8 час. веч<ера>, в Малом Ярославце (Морская, около Арки) назначен обед с Евг<ением> Вас<ильевичем> Аничковым¹. Плата (9 рублей) должна быть внесена до обеда А. А. Блоку.

Ал. Блок.

Вс. Мейерхольд.

Георгий Чулков.

<25 ноября 1909 г.>

№ 8

Дорогой Вячеслав Иванович.

Я не иду к Вам лично, а пишу Вам потому, что у Вас живет А. Белый¹. У меня к Вам следующее дело и большая просьба: бывшая актриса Александринского театра Мария Вас<ильевна> Ильинская² собирается поставить спектакль в память В. Ф. Комиссаржевской, вероятно, в ее театре³, и будет играть «Сольнеса»⁴ (Гильду) (с Самойловым) около половины марта. Сегодня она обратилась ко мне с просьбой способствовать устройению литературного отделения перед спектаклем, причем имеет в виду именно наш кружок. Г. И. Чулков, которого она у меня застала, уже согласился, и мы условились собраться для первого (а, вероятно, и единственного необходимого) совещания о литературной части у М. В. Ильинской во вторник 16 февраля в 9 час. вечера.

Очень прошу Вас от имени М. В. Ильинской и своего приехать на это совещание и принять участие в литературном отделении. Кроме Вас, я имею в виду Аничкова, Городецкого, Чулкова и себя — все мы будем в этот вечер у Ильинской. Участие всех нас мне представляется очень желательным, мы представим, т.<аким> о.<бразом> «субботы» Комиссаржевской⁵ и скажем каждый краткое слово, посвященное ее памяти. Материальная прибыль со спектакля, по мысли М. В. Ильинской, предназначается на премии имени Комиссаржевской за лучшие драматические произведения, но это еще подлежит, разумеется, обсуждению.

Если только Вы свободны и не имеете ничего против, приезжайте, очень Вас прошу. Мне этот проект улыбается.

Адрес Марии Вас<ильевны> Ильинской — Кирочная, 6, кв. 26 (вторник, 9 час. вечера).

Целую Вас и люблю.

Ваш Ал. Блок.

13 февраля 1910.

№ 9

Дорогой Вячеслав Иванович, вчера у Ильинской были только трое — Аничков, Чулков и я. Все-таки мы решились, руководствуясь Вашим письмом¹, поместить Ваше имя в число предполагаемых участников вечера. Заметка об этом будет завтра и послезавтра в «Речи»².

Нет, я не хочу усложнять и без того сложного, и не приду завтра в академию³. Понимаю, что Вы любите Б.<ориса> Н.<иколаевича>⁴.

Целую Вас.

Любящий Вас Ал. Блок.

17 февраля 1910.

№ 10

Дорогой Вячеслав Иванович, сейчас пришла повестка из Академии¹, а я твердо рассчитывал на пятницу². Кроме того, что завтра мне мистически необходимо слышать «Зигфрида»³, я не успел бы написать Вам ответ. Кажется, это и к лучшему. Хотя мне ясно уже, что говорить, но я затрудняюсь еще в формулировке.

Ваш Ал. Блок.

31 марта <1910 г.>

№ 11

<22 апр. 1910 г.>

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Зайти не удастся — завтра уезжаем¹. Мне всего нужнее сейчас земля и небо. Вчера мы смотрели летающих людей, оттого Бы не застали нас. Приветствую Веру Константиновну², и Вас целую, и Вас обоих благодарю за многое. — Посылаю статью о символизме в Аполлон, но отношусь к ней, по-прежнему, нехорошо³. Во всех моих словах теперь есть какая-то тайная ложь — отзвуки того беспорядка, который ношу в себе.

Люблю Вас.

Ваш Ал. Блок.

Вот на всякий случай мой адрес: Никол<аевская> ж. д. ст. Подсолнечная, с. Шахматово.

№ 12

9 мая 1910.

Никол<аевская> ж. д., ст. Подсолнечная,
с. Шахматово.

Милый Вячеслав Иванович.

Вчера я видел во сне с необыкновенной отчетливостью смерть Вашу и Андрея Белого. Говорят, это — к жизни. Относительно Вас — до реальных чувств и лиц Ваших близких и некоторых далеких — потому что Вас окружают люди. Относительно Белого — только он, да я. Я сомневался вчера, писать ли Вам, но сегодня решил написать.

Днями здесь все яснее и проще: пью чай и ругаюсь с мужиками¹. Остаться бы здесь надолго. Только по ночам еще возвращаются кошмары.

Я не совсем ясно знаю, кому пишу: кто Вы? Но люблю Вас. Вере Константиновне хотел бы сказать много, но не слов, а приветствий, пожеланий.

Целую Вас.

Ваш Ал. Блок.

№ 13

23 января <1911 г.>

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Да, спасибо за письмо¹, кажется, журнала не будет. «Во мне» его нет вовсе. Из всех, о ком мы говорили тогда и кого имели в виду, — «во имя» у меня только с Пястом² — и вовсе не журнальное; мое к нему отношение — не «теплое». — А 10-го надо быть в Москве³.

Любящий Вас
Ал. Блок.

№ 14

<Начало февраля 1911 г.>

Дорогой Вячеслав Иванович.

Вот билет — на 8-е февр<аля>, 6 час. 30 мин., II класса. Поезд приедет в Москву в четверть девятого утра¹. Я покину Вас на Подсолнечной и приеду в Москву через неск<олько> часов после Вас, из-за одного дела, о котором расскажу в вагоне².

Любящий Вас А. Б.

№ 15

11 марта 1911.

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Сегодня я собрался придти на собрание, но простужен и не могу. Если сейчас Вы обсуждаете вопрос о сложении с себя (нами) звания членов совета¹, то я вполне присоединяюсь к мнению, которое Вы высказывали, и стремлюсь сложить с себя это звание по причинам, как «общественным» (из-за нежелательной связи «Общества ревн<ителей> худ<ожественного> слова» с журналом «Аполлон»), так и личным.

Это — мой «рапорт» Вам, казенная отписка. Живу сейчас деятельно и напряженно. Люблю Вас; опасаясь — только внешне.

Ваш Ал. Блок.

№ 16

5 XII <1911 г.>

Сегодня я не иду к Вам из-за нервного моего состояния¹. Целую Вас крепко и кланяюсь низко Вере Константиновне и Марии Михайловне².

Любящий Вас Ал. Блок.

№ 17

С Новым Годом, дорогой Вячеслав Иванович. Простите, что не иду к Вам сегодня: очень много говорили — весь день — и не хочется быть на людях¹.

Любящий Вас
Александр Блок.

2 января <1912 г.>

16 января 1912 г.

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Как Вы странно говорите: «уклониться»¹. Я совсем не уклоняюсь от существенного, живу напряженно, избегаю только литературной среды, притом сознательно, как избегал ее почти всю жизнь. И к Софье Михайловне Ростовцевой² боюсь идти, уж очень много тут светского, внешнего. Да к тому же я хвораю — именно, не болею, а хвораю.

К чествованию Бальмонта³, с самым именем которого у меня с давних пор соединяется чувство весны и запаха черемухи, присоединяюсь всей душой. Если предполагается литературный вечер, я мог бы произнести маленькую речь, например, на тему: «Бальмонт и польская душа». Эта сторона Бальмонта была для меня всегда одной из особенно близких.

Вас я не забываю, а напротив, — иногда сочиняю стихи к Вам обращенные⁴. «Нечаянную Радость» принесу Вам вместе с третьей книгой⁵, которая, верно, скоро выйдет из печати. Очень прошу Вас, добудьте мне от скупого «Скорпиона» «Сог Ardens»⁶.

Вашего письма о казанском сборнике⁷ я не получил, стихи дам для него с удовольствием, куда их послать? Может быть, прямо в Казань? Напишите мне о чествовании Бальмонта и о сборнике; а, может быть, если Вам трудно, Мария Михайловна напишет? Кланяюсь Марии Михайловне и Вере Константиновне. Любящий Вас

Ал. Блок.

5 IV 1916

Дорогой
Вячеслав Иванович.

Я хотел зайти к Вам и независимо от того поручения, которое имею и которое исполняю сейчас (прилагаемый пакет); но работа над «Розой и Крестом» в Худ<ожественном> театре, для которой я приехал, отнимает у меня и сегодняшний вечер, а завтра надо уезжать. Надеюсь, что буду в Москве еще и тогда Вас увижу. Целую Вас, передайте, пожалуйста, мои приветствия Вере Константиновне и Марии Михайловне.

Ваш Ал. Блок².

КОММЕНТАРИИ

№ 1

1. Константин Андреевич Сомов, один из основателей «Мира искусства». В апреле 1907 г. заканчивал работу над портретом Блока. Содержание телеграммы не поддается расшифровке.

№ 2

1. Григорий Иванович Чулков — поэт, прозаик, критик; некоторое время близкий к Вяч. Иванову и Блоку.
2. Рябушинский Николай Павлович — капиталист, издатель журнала «Золотое Руно». Содержание письма связано с конфликтом в редакции журнала, в результате чего А. Белый и Брюсов вышли из состава сотрудников (См.: А. Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 245—247 и др.). Редактором литературного отдела был приглашен Блок. Как можно судить по этому письму, разногласия в редакции журнала продолжались.

3. Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (1872—1907) — жена Вяч. Иванова, прозаик, примыкала к символизму.

№ 3

1. 2 ноября 1908 г. Блок читал реферат об Ибсене в театре В. Ф. Комиссаржевской перед спектаклем «Строитель Сольнес» (V, 309-317, статья «Генрих Ибсен»). Год определяется по содержанию.

№ 4

1. Люба — Л. Д. Блок, возвратившаяся домой из родильного приюта после смерти прожившего 8 дней сына Мити.
2. В письме от 7 марта 1909 года (ЦГАЛИ) В. Иванов приглашал Блока принять участие в гоголевском вечере, устраиваемом 19 марта в Лиге Образования. Эта организация занималась теоретической разработкой вопросов образования, устраивала публичные лекции, беседы, экскурсии, чтения. Дворянское собрание помещалось по адресу: Михайловская площадь, угол Итальянской улицы (ныне — улица Ракова, 9, Большой зал Филармонии). В том же письме — предполагаемая программа вечера.
3. «Гоголь и Россия» — одно из первоначальных заглавий статьи Блока «Дитя Гоголя» (V, 376—379).

№ 5

1. В архиве Блока телеграммы В. Иванова нет. По-видимому, речь идет о приглашении к Ивановым.
2. 13 марта Блок слушал оперу Вагнера «Зигфрид» (ср. письмо матери от 13 марта 1909 г.: «Сегодня мы идем наконец в «Зигфрида» — VIII, 279).
3. 13 марта 1909 года Блок писал матери: «На гоголевском вечере не буду читать, что-то расстроилось» (VIII, 279). Но вечер все же состоялся (см.: V, 751), и 20 марта статья Блока появилась в газете «Речь».

№ 6

1. 14 апреля 1909 года Блок с женой уехал в заграничное путешествие по Италии и Германии. Написано на открытке с видом Равенны, гробницы Данте.

№ 7

1. Евгений Васильевич Аничков, литературовед и критик. Из письма матери от 29 ноября 1909 года: «Лучшее, что было за эти дни, — обед, который мы устроили Аничкову» (VIII, 297). Датируется по почтовому штемпелю.

№ 8

1. Разрыв Блока с А. Белым продолжался с 1907 по 1910 год: «...К началу января <1910 г. — Е. Б.> вызревает необходимость мне быть в Петербурге, чтобы координировать «Мусагет» с планами Вячеслава Иванова <...> новое сближение с Ивановым <...> обусловлено и отходом Иванова от Городецкого и Чулкова, и распадом недавнего триумvirата в «Весех»: я, Брюсов, Эллис; Иванов затаскивает меня в свою «башню» <Квартира Иванова, находившаяся в башне дома, возвышавшегося над Таврическим садом — Е. Б.> и держит в ней без отпуска около шести

недель <...> Иванов <...> делает все усилия, чтобы сгладить шероховатости моих отношений с Блоком» (Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 393).

2. М. В. Ильинская — актриса Московского Малого театра, позже — петербургского Александринского театра, в 1892 году оставила сцену по болезни.
3. Театр В. Ф. Комиссаржевской с 1906 года размещался в бывшем театре Неметти на Офицерской улице (ныне — ул. Декабристов).
4. «Строитель Солнесь», драма Ибсена (1892).
5. «Субботы» — встречи актеров театра Комиссаржевской с представителями «нового искусства», символистами. На встречах бывали Сологуб, Брюсов, Вяч. Иванов, Блок и др.

№ 9

1. В письме к Блоку от 16 февраля 1910 года В. Иванов отказывался принять участие в вечере памяти Комиссаржевской.
2. В газете «Речь» от 18 февраля 1910 г. (№ 48, с. 5) помещено следующее объявление: «Артистка Императорских театров М. В. Ильинская устраивает в начале поста спектакль, посвященный памяти В. Ф. Комиссаржевской. Перед спектаклем предполагается литературное отделение, с участием Е. В. Аничкова, А. А. Блока, С. М. Городецкого, Вяч. И. Иванова и Г. И. Чулкова. Чистый сбор со спектакля поступит на учреждение премии имени В. Ф. Комиссаржевской за лучшие драматические произведения. Условия конкурса, состав жюри и размер премии будут объявлены особо». Повторное объявление появилось, однако, не 19, а 25 февраля: «7 марта в зале городской думы театральной секцией народного университета устраивается траурный вечер в память В. Ф. Комиссаржевской. Вечер откроется рекемием Моцарта, после чего произнесут речи А. И. Гучков, Г. И. Чулков, И. И. Евреинов, А. А. Блок, А. Л. Волынский, бар. Унгерн, И. А. Котляревский и Н. Е. Эфрос. Чистый сбор поступает на стипендии имени покойной и памятник» («Речь», 25 февраля 1910, № 55, с. 5). Вечер памяти Комиссаржевской состоялся 7 марта: «Напоминаем об интересном вечере в память В. Ф. Комиссаржевской, устраиваемом сегодня, в зале городской думы, театральной секцией общества народных университетов <...> После рекемиа Моцарта в исполнении оркестра с хором скажут слово о почившей артистке А. А. Блок, А. Л. Волынский, А. И. Гучков, Н. Н. Евреинов, Е. П. Карпов, И. Е. Эфрос и др. Закончится вечер «Marche funebre» Бетховена» («Речь», 7 марта, 1910, № 64, с. 6). Следует отметить неточность в комментарии к V тому собрания сочинений Ал. Блока. На с. 755 среди выступавших на вечере упомянуты А. Л. Волынский, А. И. Гучков, Н. А. Котляревский, — тогда как они, как указано в отчете о вечере, не выступали. Приводим некоторые выдержки из этого отчета: «Только такое, всем равно дорогое и светлое имя, как В. Ф. Комиссаржевская, могло объединить в одной и той же программе таких разнородных ораторов». «Выступивший первым оратором В. И. Иванов в коротеньком, чеканном, «академическом» слове говорил о В. Ф. Комиссаржевской, как о «Гильде» современного Солнесьа, строящего новую жизнь, ту жизнь, с которой искусство сольется целиком. Для оратора почившая артистка — «вещая женщина на рубеже двух веков», которая бросила требовательный вызов в тьму той неизвестности, откуда придет новый человек; лучший образ для В<еры> Ф<едоровны> — Ирена из ибсеновского «Когда мы, мертвые, воскресаем», и В<ера> Ф<едоровна> ушла в иной мир дня того, чтобы «торопить это воскресение.»

«В благородной, изысканной и в то же время сдержанно-нежной речи А. А. Блока, чисто лирической по содержанию, раскрывалась бла-

гоуханная душа В. Ф., душа символиста — синоним художника, — который «видит мир призрачным». Которую «могли бы хоронить высокие белые монахини» где-нибудь за крутым обрывом горы; в тишине и безмолвии могли бы нести ее душу белые ангелы...»

«Интересна, хотя и очень спорна, следующая мысль оратора: живи В. <ера> Ф. не среди нас, «не на мертвом полюсе», а в стране смеха и радости, она также заразила бы нас высоким и торжественным смехом, как теперь заражала высокими и торжественными слезами» («Речь» 9 марта 1910, № 66, с. 6).

Кроме выступлений В. Иванова и А. Блока в отчете кратко реферируются речи Карпова, Чулкова, Евреинова и А. Белого. Заметка в «Речи» интересна тем, что дает, хотя и в сокращенном виде, текст статьи А. Блока «Памяти В. Ф. Комиссаржевской» (См.: V, 417—420) в восприятии слушателей (характерны ошибки записи со слуха: «белье» вместо «бледные» (V, 419); «призрачный» вместо «прозрачный» (V, 418).

3. В письме к Блоку (16 февраля 1910 г.) В. Иванов просил Блока прийти в четверг в академию на доклад Андрея Белого о ямбе. «Я знаю, — писал Иванов о Белом, — за что и почему могу любить его, т. е. Бориса, и люблю, хотя и знаю ту его виноватость, которой он не может еще всецело постичь». (цитируется Вл. Орловым в кн.: А. Блок, А. Белый. Переписка. М., 1940, с. 234).
4. Б <орис> Н <иколаевич> — А. Белый.

№ 10

1. «Академия» — «Общество ревнителей художественного слова» при журнале «Аполлон».
2. Открыткой от 25 марта 1910 года В. Иванов приглашал Блока в «Академию» на свой доклад о современном состоянии символизма. Доклад состоялся 26 марта. Блок принял участие в его обсуждении (см. вступительную статью, стр. 370). Ответный доклад Блока заранее не предполагался, но, очевидно, после речи Иванова было решено, что с ответом В. Иванову должен выступить именно он. Может быть, это было сделано по инициативе самого докладчика, которому мнению Блока всегда было интересно и важно. Выступление Блока, судя по данному письму, было намечено на пятницу, 1 апреля. Повестка из «Академии» перенесла его на день раньше, на четверг 31 марта. Блок отказывается выступать: ведь он «твердо рассчитывал на пятницу», и ответ Иванову еще не дописан. В письме 3 апреля 1910 года В. Иванов уговаривает Блока выступить («к нашему разговору прислушиваются жадно»). И 8 апреля Блок читает свой доклад «О современном состоянии русского символизма» (V, 425—436).
3. «Зигфрид» — см. сноску 2 к письму 5. Ср. также письмо к матери от 1 апреля 1910 года: «Сегодня «Зигфрид», так что я не иду в Академию» (VIII, 305). Год устанавливается по содержанию.

№ 11

1. Блок уезжает в Шахматово 30 апреля. Письмо датируется на основании упоминания о полетах Латама в письме к матери 21 апреля 1910 г.: «Мы сейчас (вечер.) вернулись с коломяжского ипподрома, где Латам пробовал летать, но не полетел. Два раза не поднимался, а на третий поднялся, описал круг и сел опять на землю. Все это однако было очень замечательно — миллионная толпа, весенний день и изящнейшая Антуанетта (имя его летучки)». (Письма Александра Блока к родным. II. 1932, с. 74).

2. Вера Константиновна Шварсалон (ум. 1920) — падчерица В. Иванова, дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака; с 1908 г. — жена Вяч. Иванова.
3. Блок долго отказывался отдать свою статью в печать (см. письмо Е. А. Зноско-Боровскому от 12 апреля 1910 года). Он считал, что статья будет непонятна для публики (VIII, 308), и, кроме того, был недоволен своим выступлением. В дальнейшем Блок пересмотрел своё отношение к этой статье и давал ей высокие оценки. О полемической направленности статьи Блока см. стр. 369—371 данной работы.

№ 12

1. Получив наследство от отца, Блок предпринял перестройку дома в Шахматове. О разговорах с «мужиками», рабочими из разных губерний см. письмо Блока к матери от 18 мая 1910 года (VIII, 311).

№ 13

1. В письме от 20 января 1911 года Вяч. Иванов предлагал Блоку издавать «Дневник трех поэтов» (вместе под одним заголовком трое — «Вы, Андрей Белый и я. <...> Ведь «Мускет» и я давно, как Вы знаете, подумывал о периодическом издании совсем иного, чем обычно бывает, порядка»). См. также: А. Блок, А. Белый. «Переписка», с. 259. Проект привлекал Блока. Ср.: «Мы затеваем журнал, пока маленький, с будущего года — большой. Редакционная комиссия — Пяст, Аничков и я. Ближайшие сотрудники — Вяч. Иванов, Ремизов, Верховский и Княжнин и мы трое. Инициатор — Пяст. Всё это только разрабатывается, но 1 № должен выйти до 15 февраля» (Письма Александра Блока к родным. II. 1932, с. 111). Однако уже 21 января 1911 г. читаем: «Журнал (т. е. проект его) влечит довольно жалкое существование под напором Вяч. Иванова и его несогласий. Я не могу разобрать, охладел ли я окончательно, или не охладел. После всех литературных чтений <...> руки опускаются, и перестаёшь понимать, зачем и для чего и для кого пишешь и читаешь? — Вячеслав убеждал меня издавать «дневник писателя», а теперь, после моего отказа, предлагает издавать дневник трёх писателей, с совершенно независимыми тремя отделами, объединённый только тем, что все три (А. Белый, он и я) «живут об одном». Этот последний план всех заманчивей, конечно. Остается решать нам с Пястом. Аничков охладевает к журналу, а мы — к Аничковским пылким статьям» (так же, с. 113).
2. В тот же день, 23 января 1911 года, Блок пишет В. Пясту о своем нежелании участвовать в журнале и упоминает только что полученное письмо В. Иванова (VIII, 327).
3. 10 февраля 1911 г. Блок должен был выступать на торжественном заседании памяти Вл. Соловьева в Москве в Религиозно-философском обществе, но не поехал. См. коммент. 2 к письму № 14.

№ 14

1. Датируется по содержанию. 3 февраля 1911 г. Блок пишет: «Третьего дня был у Вяч. Иванова и раскис — больше от Кузмина и атмосферы всей квартиры. 8-ого февраля мы едем с Вяч. Ив<ановым> в Москву, билеты уже взяты» (Письма Александра Блока к родным. II, 1932, с. 116).
2. Ср. в письме к матери от 3 февраля: «9-ого утром я остановлюсь на неск<олько> часов на Подсолнечной, где буду говорить с Николаем

(потому что кто-то, по-видимому, столяр, которому были заказаны рамы, подал на меня иск на 37 р. земскому начальнику, и мне надо или отложить дело, назначенное на 11 февраля, или дать доверенность Николаю). В Москве буду недолго — дня четыре» (там же, с. 116). 7 февраля намерение Блока остается в силе: «Завтра еду в М<оскву> и на Подс<олнечную>» (там же, с. 118). Поездка, однако, не состоялась. Ср. письма от 8 февраля 1911 г.: «Мама, я собрался ехать, но с утра сделалось «тортиколи». Билет разорвал, и очень рад этому. Не хочу в Москву» (там же, с. 119).

№ 15

1. Блок и Иванов были с 1909 г. членами Совета «Общества ревнителей художественного слова» при журнале «Аполлон». Кроме них в совет входили Маковский, Инн. Анненский, В. Брюсов и М. Кузмин. В 1911 г. в журнале «Аполлон» полемика «кларнетов» (будущих акмеистов) с «мистиками» (символистами) стала особенно острой. Статьи В. Иванова 1911—1912 гг. полемически направлены против Гумилева. Ср. в письме Блока матери от 11 марта 1911 г.: «Сегодня — у меня сильный насморк, а вечером — заседание Общ<ества> ревн<ителей> худ<ожественного> слова, где мне необходимо быть (складывать с себя полномочия члена совета)» (Письма Александра Блока к родным. II. Л., 1932, с. 134).

№ 16

1. Ср. в письме матери от 5 декабря 1911 года: «Нервы отчаянно расстроены» (Письма Александра Блока к родным. II. 1932, с. 187).
2. Мария Михайловна — М. М. Замятина, друг и домоправительница семьи Ивановых.
Год датируется по почтовому штемпелю.

№ 17

1. Ср. дневниковую запись Блока от 2 января 1912 г.: «Во время завтрака пришла Ангелина — мы с ней много и хорошо говорили. В 4 часа <...> пришла О. К. Соколова — с ней говорили до восьми <...>. Поздно вечером — Вяч. Иванов по телефону пригласил, — я не поеду» (VII, 118).

№ 18

1. Слово «уклониться» вызвано, очевидно, тем, что Блок дважды отказывается прийти к Иванову: ср. письмо 16 (5 декабря 1911 г.) и письмо 17 (2 января 1912 г.).
2. Софья Михайловна Ростовцева — знакомая Блока, жена историка М. И. Ростовцева.
3. Двадцатипятилетие литературной деятельности К. Бальмонта отмечалось в марте 1912 г. В дневнике Блока 16 января 1912 г. читаем: «Письмо от Вячеслава с предложением чествовать Бальмонта» (VII, 124). Письмо В. Иванова содержало приглашение к Ростовцевой для обсуждения вопроса о подготовке к бальмонтовскому юбилею. Блок, однако, не выступал на чествовании. См. запись в протоколе заседания 11 марта 1912 года: «Не могли быть произнесены стоявшие в программе речь Валерия Брюсова «Творчество Бальмонта» <...> и речь Александра Блока «Бальмонт и польская душа» по (нездоровью)» (Записки Неофилологического общества при императорском С.-Петербургском Универси-

тете, вып. VII, СПб., 1914, с. 56). См. дневник Блока: «11 марта в заседании «старичков», чествующих Бальмонта, где упоминается мое имя, не буду участвовать: нездоров все еще; не нужно никому; противно профессорьё; устраивается «по приглашению» и т. д., т. е. — ни для кого, для никого» (запись от 5 марта 1912 г., VII, с. 131).

4. Речь идет о стихотворении «Вячеславу Иванову» (III, 141—142). В связи с этим стихотворением Блок заметил в своем дневнике, что считает себя близким В. Иванову «только через воспоминание о Лидии Дмитриевне» и теперь может обратиться к нему с «воспомятельными стихами» (6 января 1912 г., VII, 119).
5. Около 25 марта 1912 г. вышел III том «Собрания стихотворений» А. Блока в издании «Мусагет».
6. Сборник стихов В. Иванов «Сог ardens». Стихи. Ч. I—II. М., «Скорпион», 1911. Ср. в письме матери от 6 мая 1912 года: «Вячеслав прислал мне Сог Ardens с ответом в стихах — очень трогательным» (Письма Александра Блока к родным. II. 1932, с. 197).
7. Ср.: письмо Вяч. Иванова от 15 января 1912 г.: «Дорогой Александр Александрович! Говорят, Вы в Петербурге; а Вы ничего не ответили мне о казанском сборнике». Речь идет, очевидно, о второй книге сборника «На Рассвете». Книга I вышла в Казани в 1910 году под редакцией А. Ф. Мантеля. «Сборники «На рассвете», — говорилось в статье от редакции, — будут посвящены пропаганде художников того направления, которое движется, ищет, — всему, что носит печать творчества, всему прекрасному.» Эти сборники должны были выходить каждые три-четыре месяца. Среди сотрудников журнала упомянуты: А. Н. Бенуа, Ал. Блок, В. Бородаевский, М. Волошин, С. Городецкий, И. Грабарь, Г. Чулков, М. Добужинский, Вяч. Иванов, М. Кузмин, С. Маковский, А. Остроумова-Лебедева, К. Петров-Водкин, К. Сомов, С. Яремич и другие. Блок напечатал в сборнике стихотворение «Дым от костра струею сизой...»; Вяч. Иванов — три стихотворения: «Fata morgana», «Гипербореи», «Трава-плакун». «Для последующих №№, — сообщила редакция читателям, — уже имеются вещи некоторых художников и литераторов», в том числе, — Вяч. Иванова. Имени Блока среди них нет. Вероятно, В. Иванов торопил Блока с присылкой материалов для сборника. Вторая книга так и не появилась (хотя первая вышла в 1911 г. повторным изданием).

№ 19

1. 28 марта 1916 года Блок уезжает в Москву для работы с труппой Художественного театра над драмой «Роза и Крест». В письме матери от 4 апреля 1916 года он сообщает: «Еще хочу пойти к Вяч. Иванову» (Письма Александра Блока к родным. II. 1932, с. 279). Ср. запись 5 апреля 1916: «Утром завез к Вяч. Иванову «хронику» Пяста» (З. к., 294).
2. Письмо от 16 января 1916 г. завершает переписку Блока и Вяч. Иванова. Отношения их становятся все более отдаленными, уходят в область чисто литературного общения современников.